

Шилпи
СОМАЙЯ
ГОУДА

ТАЙНАЯ ДОЧЬ

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2019

УДК 821.111
ББК 84(7)
Г57

Shilpi Somaya Gowda
SECRET DAUGHTER

Перевела с английского
Елена Алешина

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Гоуда Ш. С.

Г57 Тайная дочь : [роман] / Шилпи Сомая Гоуда; [пер. с англ. Е. Алешиной]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 432 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-40-5

Возможно ли забыть дитя, которое носила под сердцем и рожала в муках? И что делать, если появление на свет девочки считается в твоей семье страшным несчастьем?

Пронзительная история о судьбах трех женщин, живущих в разных странах, но объединенных общей тайной. Тем, кто сумел побороть отчаяние и пережить прошлое, выпадает редкая возможность все исправить.

УДК 821.111
ББК 84(7)

ISBN 978-5-906986-40-5

© Shilpi Somaya Gowda, 2010
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2019

Пролог

Он держит в руке клочок бумаги и напряженно сравнивает нацарапанные на нем слова с красными буквами на дверной табличке. Несколько раз переведя взгляд с бумажки на дверь и обратно, он понимает, что не ошибся, и нажимает кнопку звонка. За дверью раздается пронзительное дребезжание. Пока тянется ожидание, он проводит рукой по медной пластинке, ошупывая пальцами четкие грани выпуклых букв. Дверь резко распахивается, он отдергивает руку, а затем достает и протягивает девушке, которая открыла дверь, еще одну записку. Прочитав, она поднимает на него глаза и пропускает в дом.

Легким кивком головы девушка приглашает его следовать за ней по коридору. Он идет, на ходу приглаживая седеющие волосы и проверяя, не задралась ли футболка на наметившемся животе. Они заходят в кабинет, и девушка указывает ему на стул. Он садится, сцепив пальцы.

Мужчина за столом пристально разглядывает его сквозь очки.

— Как я понимаю, вы кого-то ищете.

ЧАСТЬ I

1

НАЧАЛО СКОРБИ

Дахану, Индия, 1984 год

Кавита

В сумерках, как только появились первые тянущие боли, она, не сказав никому ни слова, пришла в заброшенную хижину. Здесь нет ничего, кроме коврика, на котором она лежит, подтянув колени к груди. Когда накатывает очередная волна боли, Кавита сжимает кулаки так, что ногти впиваются в кожу, а зубами закусывает веточку дерева. Стараясь дышать ровно, терпеливо ожидая, пока не отпустит схватка, она сосредоточенно смотрит на бледно-желтое пятно, пляшущее на земляном полу. Это свет масляной лампы — ее единственного товарища в эти темные ночные часы. Она пытается сдерживать крики, пока это возможно. И знает, что уже скоро, в нужный момент, ее услышат и сюда придет деревенская повитуха. Кавите остается лишь молиться, чтобы ребенок родился до рассвета, потому что муж редко просыпается до восхода солнца. Это первая из двух молитв, что Кавита возносит к богу, опасаясь просить большего.

Раздавшийся вдали басовитый раскат грома напоминает о дожде, который собирался весь день. Влажность

повисла в воздухе, и капельки пота выступают на лбу роженицы. Когда небеса наконец разверзнутся и хлынут потоки воды, станет легче. Запах муссонных дождей всегда казался Кавите особенным. В это время обычно пахнет сыростью и землей, словно почва, растущий на плантациях рис и дождевая вода смешались прямо в небе. Это запах новой жизни, принесенной дождями. Сквозь щели в двери ей видно, как низко нависают тучи.

Следующая сильная схватка начинается так внезапно, что у нее перехватывает дыхание. Сшитая из тонкого хлопка блузка, натянувшаяся на полной груди, темнеет от пота. В этот раз грудь увеличилась гораздо больше, чем в прошлый. Оставаясь с женой наедине, муж часто ворчливо выговаривал ей, чтобы прикрывалась лучше, но она слышала, как перед другими мужчинами он хвастался, сравнивая ее груди со спелыми дынями. Кавита благодарила небеса за то, что на этот раз ее тело выглядело совсем иначе, потому что муж и окружающие воспринимали это как знак того, что родится мальчик.

Вдруг Кавиту охватывает страх. Тот самый удушающий страх, который она чувствовала на протяжении всей беременности. *Что будет, если они ошиблись?* Ее вторая и гораздо более отчаянная молитва — просьба, чтобы ребенок не оказался девочкой. Она не вынесет этого снова.

Кавита не была готова к тому, что произошло в прошлый раз. Тогда муж ворвался в комнату всего через несколько минут после того, как повитуха перерезала пуповину. От него явственно исходил приторный запах браги из плодов чикю. Когда Джасу увидел крохотное

тельце новорожденной девочки на руках матери, его лицо исказила гримаса ненависти и он отвернулся.

Кавита почувствовала, как зарождающаяся в ней радость сменилась замешательством. Она хотела сказать все, что ее переполняло. Столько волосиков... хороший знак. Но тут Джасу заговорил. Никогда раньше Кавита не слышала, чтобы он так ужасно ругался. Женщина была ошеломлена. Муж повернулся, и она увидела его красные от бешенства глаза. Он медленно приближался к ней и все качал головой. Измученная родами, потрясенная, Кавита ощутила неведомый ей прежде животный ужас.

Обессиленная и плохо соображающая, она слишком поздно заметила его резкое движение, которым он выхватил у нее ребенка. Кавита вся подалась вперед, вытянула руки и закричала громче, чем во время родов, когда голова ребенка разрывала ее плоть. Но повитуха удержала роженицу, и она не смогла остановить мужа. Джасу выбежал из дома под крики их дочери, хватающей первые глотки воздуха в этом мире. В тот миг Кавита поняла, что эти крики станут для ее малышки последними.

Повитуха мягко уложила женщину обратно.

— Пусть идет, детонька. Отпусти его. Все позади. Теперь тебе надо отдохнуть. Ты прошла свое испытание.

Следующие два дня Кавита провела на полу хижины, свернувшись калачиком на соломенном коврике. Она не решалась спросить, что сделали с ее дочкой. Утопили, задушили или просто оставили умирать от голода? В конце концов маленькое тельце сожгли, и уже ничто не напоминало о том, что малышка когда-то появилась на свет. Как и многие другие новорожденные девочки, первый ребенок Кавиты ушел в землю задолго до срока.

В те дни никто не навещал Кавиту, кроме повитухи. Она приходила дважды в день и приносила своей подопечной еду и чистые подкладные тряпки. Кавита заплакала все глаза от горя. Ей казалось, что в них не осталось ни слезинки. Но ее страдания стали еще невыносимее, когда спустя несколько дней после родов у нее появилось грудное молоко, ставшее горьким напоминанием об утрате. А еще через месяц стали выпадать волосы. С той поры всякий раз, когда она видела на улице ребенка, ее сердце замирало от боли.

Когда же Кавита вернулась домой, никто ей не посочувствовал. Она не услышала слов поддержки от родных, и соседи не подходили к ней с утешительными рукопожатиями. Родственники Джасу встретили ее презрительными взглядами и непрошеными советами, как в следующий раз зачать мальчика. Кавита давно свыклась с тем, что почти не управляет собственной жизнью. Девушку отдали замуж за Джасу, когда ей было восемнадцать, и она сразу же погрузилась в круговорот ежедневных хлопот: носила воду, стирала одежду и готовила еду. Весь день Кавита выполняла то, что требовал от нее муж. А когда они ночью ложились в постель, она снова должна была подчиняться его воле.

Но после расправы над ее первенцем Кавита стала вести себя смелее, пусть и самую малость. Негодуя на мужа, она добавляла побольше красного перца в его порцию и с затаенным удовлетворением наблюдала, как он на протяжении всего ужина трет лоб и вытирает нос. Когда Джасу приходил к ней ночью, она иногда отказывала ему, ссылаясь на женские дни. Каждый такой маленький бунт придавал ей уверенности в себе. И когда Кавита поняла, что снова беременна, то твердо решила, что на этот раз все будет иначе.

2

ЧИСТО

Сан-Франциско, Калифорния, 1984 год

Сомер

Сомер выпускает из рук медицинский журнал и хватается за живот. С трудом поднявшись с дивана, она плетется в ванную, держась за стены в длинном коридоре их квартиры, отделанной в викторианском стиле. Несмотря на острую боль, буквально сгибающую ее пополам, перед тем как сесть на унитаз, она поднимает платье и... видит алую струйку крови, стекающую по бледной коже бедра.

— Нет! О господи, пожалуйста, не надо!

Ее мольба тиха, но касается самого важного. Однако рядом нет никого, кто мог бы ее услышать. Сомер сдвигает ноги и задерживает дыхание. Надо посидеть как можно спокойнее, может быть, кровотечение остановится. Но нет. Сомер закрывает лицо руками, и слезы струятся между пальцами. Она смотрит, как кровь окрашивает воду в унитазе в красный цвет. Ее плечи содрогаются от всхлипываний, которые становятся все громче и протяжнее, пока она не начинает биться в рыданиях. Когда спазмы немного отпускают, ей удается позвонить Кришнану.

Вернувшись домой, он застаёт Сомер скорченной на их огромной кровати с пологом. Между ног у нее зажато полотенце некогда роскошного цвета французской ванили. Это полотенце подарили им на свадьбу пять лет назад. Они вместе выбрали этот оттенок. Не просто белый, как в больнице, и не скучный бежевый, а элегантный сливочный. Теперь оно насквозь пропитано кровью.

Крис садится на край кровати и кладет руку ей на плечо.

— Это точно? — мягко спрашивает он.

Она кивает.

— Все, как в прошлый раз. Схватки, кровотечение... — Сомер снова заливается слезами. — В этот раз больше крови. Наверное, потому, что я дольше его проносила...

Крис подает ей салфетку.

— Ладно, милая. Я позвоню доктору Хэйворту и спрошу, сможет ли он принять нас. Тебе что-нибудь нужно?

Он поправляет плед, укрывая ей плечи. Сомер качает головой и перекатывается на другую половину кровати, отвернувшись от Кришнана, который ведет себя скорее как врач, а не как муж, чья поддержка ей так необходима. Сомер закрывает глаза и трогает низ живота, как она делала бесчисленное количество раз за день. Но сейчас жест, который обычно успокаивал ее, кажется наказанием.

Первое, что видит Сомер, когда открывает глаза, — это стойку капельницы рядом с кроватью. Сомер поскорее зажмуривается в надежде вернуть сон,

в котором она качает на качелях ребенка. *Кто это был, девочка или мальчик?*

— Все прошло хорошо, Сомер. Все чисто, и я не вижу причин, почему бы тебе не попробовать еще раз забеременеть через несколько месяцев. — Доктор Хэйворт в хрустящем белом халате смотрит на нее, стоя в ногах кровати. — Отдохни немного, а я снова приду проведать тебя перед выпиской.

Перед тем как уйти, он легонько похлопывает ее по накрытой простыней ноге.

— Спасибо, доктор, — раздается голос из другого конца палаты, и Сомер понимает, что Кришнан тоже здесь. Он подходит к кровати и, склонившись, кладет руку жене на лоб.

— Как ты себя чувствуешь?

— Чисто, — отвечает Сомер.

— Чисто? — повторяет он, сдвинув брови и наклонив голову.

— Он сказал «чисто». Доктор Хэйворт, сказал, что теперь у меня все чисто. Но как же тогда было до этого? Когда я еще была беременна?

Ее взгляд останавливается на люминесцентных лампах, гудящих над кроватью. *Девочка или мальчик? А глазки какого цвета?*

— Но, милая, он же только хотел сказать, что... Ты же сама знаешь, что он имел в виду.

— Да, я знаю, что он имел в виду. Он хотел сказать, что там больше ничего нет: ни ребенка, ни плаценты, ничего. Моя матка снова хорошая и пустая. *Чистая.*

В палату входит улыбающаяся медсестра.

— Пора принимать обезболивающее.

Сомер качает головой.

— Я не хочу.